

САКУРА И ДУБ

ОТ АВТОРА

Наиболее счастливая, но и наиболее трудная судьба выпала двум из моих пятнадцати книг. Это — «Ветка сакуры» и «Корни дуба», впервые опубликованные в журнале «Новый мир» в 1970 и 1980 годах.

Их можно считать воплощением творческого credo автора: убедить читателя, что нельзя мерить чужую жизнь на свой аршин, нельзя опираться лишь на привычную систему ценностей и критериев, ибо они отнюдь не универсальны, как и грамматические нормы нашего родного языка. Проще говоря, прежде чем судить о зарубежной действительности, надо постараться понять, почему люди в других странах порой ведут себя иначе, чем мы.

Попытка проанализировать национальный характер, дабы объяснить незнакомую страну через ее народ, была новшеством для нашей тогдашней публицистики. Но дело не только в своеобразии замысла. И не только в том, что «Ветку сакуры» впервые опубликовал Александр Твардовский, когда выход каждого номера его «Нового мира» становился событием в духовной жизни страны.

Хотя оба эти обстоятельства, безусловно, усилили вызванный книгой резонанс.

Главной причиной популярности «Ветки сакуры», наверное, стало другое. Читатель воспринял это произведение как призыв смотреть на окружающий мир без идеологических шор. Самой большой в моей жизни похвалой стали тогда слова Константина Симонова:

— Для нашего общества эта книга — такой же глоток свежего воздуха, как песни Окуджавы...

Но именно поэтому «Ветка сакуры», а десять лет спустя — «Корни дуба» вызвали нарекания идеологических ведомств. Им досталось по полной программе: приостанавливали подготовку к печати, рассыпали набор, требовали изменений и сокращений. Пришлось кое в чем пойти на компромиссы.

В Японии «Ветка сакуры» стала бестселлером. Даже англичане, скептически относящиеся к попыткам иностранцев разобраться в их национальном характере, встретили «Корни дуба» весьма благосклонно. Однако это укрепило не позиции автора, а его критиков. Дескать, идейные противники нашей страны не случайно ухватились за эти писания, ибо присущая им идеализация капиталистической действительности, отсутствие классового подхода льет воду на их мельницу. Таков был официальный вердикт для обеих книг. Лишь в 1985 году после неоднократно отклоненных представлений, диалогия «Сакура и дуб» была удостоена Государственной премии в области литературы.

В этом издании восстановлен изначальный авторский текст. Кроме того, Японский фонд, который занимается углублением взаимопонимания с зарубежными странами, в 2000 году пригласил меня на три месяца в страну, «чтобы обновить ВЕТКУ САКУРЫ, которая была бестселлером как в России, так и в Японии». Это позволило мне написать ряд новых глав, а также обновить устаревшие за 30 лет цифры и факты.

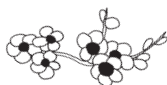

ВЕТКА САКУРЫ

Рассказ о том,
что за люди
японцы

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

За тонкой раздвижной перегородкой слышались шаги. Мягко ступая босыми ногами по циновкам, в соседнюю комнату вошли несколько человек, судя по голосам — женщины. Рассаживаясь, они долго препирались из-за мест, уступая друг другу самое почетное; потом на минуту умолкли, пока служанка, звякая бутылками, откупоривала пиво и расставляла на столике закуски; и вновь заговорили все сразу, перебивая одна другую. Речь шла о разделке рыбы, о заработках на промысле, о кознях приемщика, на которого им, вдовам, трудно найти управу.

Я лежал за бумажной стеной, жадно вслушиваясь в каждое слово. Ведь именно желание окунуться в жизнь японского захолустья занесло меня в этот поселок на дальней оконечности острова Сикоку. Завтра перед рассветом, что-то около трех часов утра, предстояло выйти с рыбаками на лов. Я затеял все это в надежде, что удастся пожить пару дней в рыбацкой семье. Но оказалось, что даже в такой глуши есть постоянный двор. Меня оставили в комнате одного и велели улечься пораньше, дабы не проспать.

Да разве заснешь при таком соседстве! Я ворочался на тюфяке, напрягал слух, но смысл беседы в соседней комнате то и дело ускользал от меня. Никто в моем присутствии не стал бы говорить о жизни с такой откровенностью, как эти женщины с промысла, собравшиеся отме-

титель день полочки. Но, пожалуй, именно в тот вечер я осознал, какой непроницаемой стеной еще скрыт от меня внутренний мир японцев. Была, правда, минута, когда все вдруг стало понятным и близким, когда охмелевшие женские голоса стройно подхватили знакомую мелодию:

...И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек...

Как дошла до них эта песня? То ли мужья привезли ее из сибирского плена, прежде чем свирепый шторм порешил рыбацкие судьбы? То ли эти женщины овдовели еще с войны и от других услышали эту песню об одиночестве, ожидании и надежде? Снова звякали за перегородкой пивные бутылки; то утихала, то оживлялась беседа. Но я уже безнадежно потерял ее нить и думал о своем. Конечно, вдовы — везде вдовы. Но люди здесь не только иначе говорят: они по-иному чувствуют, у них свой подход к жизни, иные формы выражения забот и радостей. Смогу ли я когда-нибудь разобраться во всем этом?

Еще в детстве я читал, что вечерний Париж пахнет кофе, бензином, духами. А попробуй-ка описать, чем пахнет по вечерам бойкая улица японского города! На углу переулка, сплошь светящегося неоновыми рекламами питейных заведений, примостилась старуха с жаровней. На углях разложены растробом вверх витые морские раковины, в которых булькает что-то серое. Рядом с плоской вяленой каракатицей и еще какой-то пахучей морской снедью пекутся в золе неправдоподобно обыденные куриные яйца. В двух

шагах — знакомая еще по Пекину машина, которая перемешивает каштаны в раскаленном песке. А вот напоминающий о пионерских кострах запах печеной картошки. Он исходит от сложного сооружения, похожего на боевую колесницу. Там тоже жаровня с углями, а над ней, как туши на крюках, развешаны длинные клубни батата: выбирай и любуйся, как при тебе их будут печь. Из кабре «Звездная пыль» выпорхнула женская фигура. Примостившись на краешке какого-то ящика, чтобы не измять серебристого газового платья с немислимым вырезом на груди и спине, девушка, по-детски жмурясь от удовольствия, торопливо ест дымящуюся картофелину. А старуха-торговка тем временем заботливо прикрывает чем-то ее оголенные плечи — то ли от вечернего холода, то ли от взоров прохожих.

Был сегодня на фестивале популярнх ансамблей и вынес оттуда незабываемое впечатление о том, что видел и слышал не столько на сцене, сколько в зале.

Создатели самых модных, самых ходовых пластинок состязаются здесь в каком-то немислимом темпе. Солистка еще только берет финальную ноту, еще не видно конца неистовствам ударника, как движущийся пол уже уносит оркестрантов за кулисы и тут же выкатывает следующий ансамбль, который также играет вовсю, но уже что-то свое. Новоиспеченные кумиры года сменяют друг друга с калейдоскопической быстротой. Ни секунды передышки от барабанной дроби и аккордов электрогитар. Но шумовые каскады, низвергающиеся со сцены, ничто в сравнении со взрывами неистовства, от которых ежеминутно сотрясается зал. Никогда не думал, что можно с таким иступлением визжать и топать ногами на протяжении двух часов под-

ряд. Неужели это те самые японские девушки, которые слывут образцом грациозности и сдержанности, безукоризненного контроля над проявлением своих чувств? Вот толпа совершенно обезумевших поклонниц кидается к сцене, расталкивая друг друга. Какая-то девица протиснулась вперед с гирляндой цветов, но никак не может дотянуться до певца. Тот великодушно делает шаг к самому краю рампы и слегка нагибается. Но в тот самый момент, когда поклоннице наконец удастся набросить цветы ему на шею, в гирлянду впиваются десятки рук. Заарканенный кумир теряет равновесие и падает прямо на толпу своих визжащих поклонниц, которые, словно стая хищных рыб, начинают буквально рвать его на части, чтобы заполучить хоть какой-нибудь сувенир.

Досыта насмотревшись подобных сцен, я пополнил перечень не объяснимых для меня парадоксов Японии еще одним пунктом. Казалось бы, столь падкая на крайности западной моды японская молодежь уже полностью отошла от нравов и обычаев старшего поколения. И тем не менее когда приходит пора свадьбы, каждая японская девушка вновь превращается в образец кротости, смирения и покорности. Став невестой, она как бы вновь присягает законам предков. Проявляется это не только в том, что вопреки какой бы то ни было моде ее наряд и прическа будут такими же, как у красавиц, которых когда-то изображал на своих гравюрах Утамаро¹. Куда важнее, что эта верность заветам старины проявляется в покорности родительской воле. Ведь то самое поколение, за вкусами которого столь пристально следят и капризам которого своекорыстно потворствуют производители грампластинок, владельцы телестудий,

¹ Утамаро Китагава (1753–1806) — японский художник, прославившийся как создатель цветных гравюр на дереве.

кинотеатров, домов моделей, то самое поколение, которое, казалось бы, само выбирает себе кумиров и низвергает их, — это поколение донныне продолжает мириться с отсутствием права выбора в самом важном для человека вопросе — в вопросе о том, кто станет ему спутником жизни, отцом или матерью его детей.

Тишину токийского переулка, где я живу, по утрам первыми нарушают велосипедисты. Вот остановился молочник — слышно, как звякают бутылки у него на багажнике. Через несколько минут опять кто-то затормозил. Потом еще и еще. Ну хорошо, разносчик привез молоко, почтальон — газеты. Кто же остальные?

Однажды надо было в шесть утра ехать на вокзал. Решил захватить с собой газеты. Вышел к почтовому ящику — он еще пуст. Но как раз тут из-за угла лихо вырулил велосипедист, затормозил и протянул мне «Иомиури».

— А где же остальные газеты? — удивился я. — Мы ведь выписываем еще «Асахи» и «Майнити».

— Не беспокойтесь, они сейчас подъедут, — улыбнулся паренек. — Ведь мы все начинаем развивать газеты в одно время. Раньше нельзя — соглашение!

И действительно, в переулке вскоре появилась вереница велосипедистов, каждый из них бросил в мой почтовый ящик по одной газете.

Мне еще раньше было известно, что газету компартии «Акахата» доставляют подписчикам не почтальоны, а активисты местных ячеек. Это было легко понять. Не всякий читатель коммунистической газеты хочет, чтобы его имя и адрес стали достоянием полиции. Но какой смысл коммерческой прессы — всем этим «Асахи», «Майнити», «Иомиури» — отказываться от услуг

почты и дублировать друг друга? Ради чего каждая из этих газет предпочитает иметь свою собственную систему распространения?

— Волей-неволей приходится повсюду содержать свои конторы, чтобы соперничающие газеты не перехватили подписчиков, — ответили мне.

Итак, конкуренция. Вот, казалось бы, универсальный ключ к разгадке необъяснимых явлений японской буржуазной прессы. Но так ли это? Достаточно лишь несколько раз побывать в Токио на пресс-конференциях для японских журналистов, чтобы столкнуться с еще одним парадоксом.

Хотя в зале видишь представителей самых различных органов печати, радио, телевидения, вопросы всегда задает кто-то один. Остальные лишь слушают и записывают. Там, где, казалось бы, самое время состязаться, многоликая пресса неожиданно отказывается от конкуренции и предпочитает вести диалог как бы от имени одного лица.

Вопросы согласовываются заранее и сообща принимается решение, кто будет задавать их от имени всех. В Японии существует система пресс-клубов, в соответствии с которой всякое государственное учреждение, политическая партия или общественная организация обязаны делать официальные заявления лишь всей прессе в целом, чтобы такого рода новость не могла стать монопольным достоянием какого-то одного органа печати. Ведущие газеты, радио- и телекомпании имеют своих представителей и в пресс-клубе при премьер-министре, и в пресс-клубе при командовании американских военных баз. Участие определяется здесь лишь интересом, который представляет данный источник информации.

Но как же можно выделиться среди соперников, как можно проявить какое-то своеобразие при таком сознательном

обобществлении материала, при такой стандартизации рациона, которым питаются газеты?

— Мы рассуждаем так, — объяснили мне, — лучше в десяти случаях иметь то же, что и другие, чем лишь однажды оказаться в чем-то позади всех. Конечно, система пресс-клубов обезличивает газеты, зато каждая из них уверена, что никогда ничего не прозевают...

Зашел незнакомый человек в комбинезоне и в желтой каске строителя, вручил перевязанную лентой коробку и конверт. В коробке оказался подарочный набор из трех разноцветных кусков туалетного мыла, в конверте — письменное извинение: в связи с заменой водопроводных труб в переулке придется рыть траншею и беспокоить окрестных жителей треском пневматических отбойных молотков.

После этого мы с женой опять говорили о своеобразии японской вежливости. Ничто так не гипнотизирует в этой стране на первых порах, как экзотическая учтивость. В разговорах все поддакивают друг другу, при встречах отвешивают церемоннейшие поклоны, уместные, казалось бы, лишь в исторических фильмах да на театральной сцене. Зрелище это поистине незабываемое. Заметив знакомого, японец считает долгом прежде всего замереть на месте, даже если дело происходит на проезжей части улицы и прямо на него движется автобус. Затем он сгибается в поясице, так что ладони его вытянутых рук скользят вниз по коленям, и, застыв в таком положении, осторожно поднимает вверх лишь глаза. (Выпрямляться первым невежливо, и кланяющимся приходится зорко следить друг за другом.)

Но посмотрите вслед японцу, который, только что церемонно раскланявшись с вами, вновь окунается в улич-

ную толпу. С ним тут же происходит как бы таинственное превращение. Куда деваются его изысканные манеры, предупредительность, учтивость! Он прокладывает себе дорогу в людском потоке, совершенно не обращая ни на кого внимания. Если окликнуть знакомого вновь, он опять становится улыбающимся, предупредительным, изысканно вежливым... по отношению к вам.

Японская учтивость ограничивается областью личных отношений и отнюдь не касается общественного поведения — для каждого, кто приезжает в Японию, легче открыть это противоречие, чем докопаться до его корней.

Нередко первые впечатления о Японии бывают омрачены чувством досады. Приезжему кажется, что он опоздал, упустил время, когда еще можно было увидеть подлинное лицо этой страны. Даже сознавая, что он едет в одну из ведущих индустриальных держав, турист рассчитывает, что ее новые черты окажутся лишь парадоксальными добавлениями к чертам традиционным, что самые крупные в мире танкеры, и самые умные компьютеры, и самые быстрые поезда будут лишь контрастной ретушью на портрете экзотически живописной страны с ее женщинами в кимоно и древними храмами среди прихотливо изогнутых сосен. Вместо этого приезжий видит прежде всего самую неприглядную сторону современной цивилизации. Кажется, что хаос заводских труб, прокопченных стен и железнодорожных путей похоронил под собою подлинную, традиционную Японию. Убедившись, что образ, сложившийся по открыткам и рекламным календарям, довольно далек от реальности, иностранец вслед за этим задается вопросом: насколько же в самом деле осовременилась Япония и насколько

живуче ее прошлое? То есть в какой именно пропорции сочетается в облике страны сегодняшний день со вчерашним?

Вопрос этот не нов. Сопоставление поразительной восприимчивости к новому с самобытностью вековых традиций служит лейтмотивом всего, что пишется о Японии вот уже на протяжении целого столетия.

Поневоле напрашивается мысль, что кажущаяся податливость японской природы подобна приемам борьбы дзюдо: уступить натиску, чтобы устоять, то есть идти на перемены, с тем чтобы оставаться самим собой. Восприимчивость японцев больше касается формы, чем содержания. Они охотно и легко заимствуют материальную культуру, но в области культуры духовной им присуща уже не подражательность, а консерватизм, не восприимчивость, а замкнутость. Такая «японская Япония», почти не подверженная переменам, присутствует везде и во всем. Это как бы оборотная сторона медали.

Пока живешь в Токио, кажется, что японская зима — самое сухое и солнечное время года. Трудно представить себе, что за соседними горами, на западном побережье выпадают такие глубокие снега, что многие селения оказываются надолго отрезанными от внешнего мира.

Такова Япония во всем. После нескольких лет изучения ее жизни вдруг обнаруживаешь, что смотрел на горы лишь с одной стороны, в то время как на их противоположном склоне климат совсем иной.

Вопреки первому впечатлению, что в облике Японии сегодняшний день полностью заслонил вчерашний, незримое присутствие прошлого сказывается донныне. Словно камень, лежащий на дне потока, оно не выпирает на поверхность, но дает о себе знать завихрениями и водоворотами. Нужно,

